

История идей

Лев Клейн

САНОВНИЙ УЧЕНЫЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОЛЕНИН

***Аннотация.** В статье рассматривается социальная биография сановника, видного общественного деятеля, основоположника российской археологии и археографии А.Н. Оленина. Обсуждается противоречивое отношение к его личности и деяниям со стороны современников и потомков. Раскрывается его вклад в становления отечественной археологии и археографии в русле истории культуры.*

***Ключевые слова:** А.С. Оленин, оленийский кружок; история археологии, палеографии, археографии; от истории событий к истории культуры.*

Annotation: in this article there is consideration of social biography of the dignitary, eminent public figure, founder of Russian archaeology and, A.N. Olenin. It discusses the discrepant attitudes to his personality and acts on the part of his progeny and contemporaries; discovers his contribution to formation of archaeology and archaeography of our country in the context of the history of culture.

Keywords: A.N. Olenin, olenian coterie; history of archaeology, palaeology and archaeography, from the history of events to the history of culture.

Многогранный
деятель

1. Двоящийся образ. Россия первой половины XIX века изобиловала колоритными и многогранными личностями. Поэт, губернатор и министр Г.Р. Державин, адмирал и лидер литераторов А.С. Шишков, министр и литератор С.С. Уваров, путешественник и литератор, президент Академии художеств и директор Императорской библиотеки граф А.С. Строганов... Но по многогранности Алексей Николаевич Оленин превосходил их всех. Кем только ни был А.Н. Оленин – управляющим Монетного департамента Госбанка, директором Публичной библиотеки (ныне Национальной), президентом Академии художеств, сенатором и обер-прокурором III департамента сената, статс-секретарем Государственного совета, членом Академии наук и разных комиссий, причем многие из этих постов он занимал одновременно. И все это время он был археологом, палеографом, эпиграфистом, историком.

«Универсальный
ученый в России»

Знаменитый А. Гумбольдт, посетив Петербург, написал, что А.Н. Оленин – «единственный универсальный ученый в России» [1]. Историки культуры отмечают, что почти полвека неформальный «оленинский кружок», сложившийся из завсегдатаев его дома, был одним из центров литературной жизни Петербурга, собирая видных литераторов – от Г.Р. Державина, И.А. Крылова и В.А. Жуковского до А.С. Грибоедова и А.С. Пушкина, а также очагом изобразительных искусств и театральной жизни. А.Н. Оленин служил Екатерине II и трем последующим императорам: Павлу I, Александру I и Николаю I. Он был вельможей, владел поместьями, в которых было более двух тысяч крепостных мужского пола. Современные историографы не сомневаются, что «в начале XIX столетия А.Н. Оленин действительно был крупным государственным деятелем, подвижником в области литературы, искусства, науки, человеком высочайшей культуры, ума, нравственности» [2]. Его биография, выпущенная в советское время [3], описывает его жизнь и дом-музей в Приютино с осязательным любованием и умилением.

«Чрезмерно
сокращенная особа»

Этому величию несколько противоречила внешность сановного археолога – он был очень маленького роста. Язвительный Ф.Ф. Вигель [4] иронизировал: «чрезмерно сокращенная особа». С.П. Жихареву [5] он запомнился как «маленький и очень проворный человечек». «Лилипут», – обзывает его М.А. Корф. М.Ф. Каменская [6] с юмором описывает его появление в обществе: в генеральском мундире, сапогах с кистями и шпорами, на маленькой голове шляпа с громадным султаном, а на боку палаш больше самого хозяина. «Тогда он был уморительно смешон, – заключает она, – и гораздо более походил на детскую игрушку *casse-noisete*». Но это всего лишь добродушное подкалывание, не отменяющее величия дел и души.

«Пролаз, нулек
на ножках»

С другой стороны, В.А. Жуковский, характеризовал дом А.Н. Оленина как «место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором» [7]. М.А. Корф, сменивший А.Н. Оленина на посту директора Публичной библиотеки, писал о нем: «мелкий и пустой человек», «любил собирать у себя литераторов более из тщеславия, чем по вкусу к литературным занятиям», «отчаянная ничтожность». «...Он был человек в высшей степени отрицательный, с какими-то опрокинутыми понятиями и суждениями о вещах, без энергии, без рассудительности, тем более без ума». М.А. Корф пояснял свою нелестную характеристику: во введенных им

каталогах А.Н. Оленин «забывал безделицу – означить место, где стоят внесенные в каталог книги» [8]. Ф.Ф. Вигель [9] ехидно отмечал, что А.Н. Оленин был «искателен в сильных при дворе и чрезвычайно уступчив в сношениях с ними». Один из декабристов, Н.И. Тургенев, в своем дневнике называл А.Н. Оленина «тарабарщик», «шут» и записывал, что «в маленьком теле маленькая душа» [10]. Ходил слух, что когда Д.И. Фонвизин писал комедию «Недоросль», он списывал своего Митрофанушку с юного А.Н. Оленина, а А.С. Пушкин (и уж это не слух), сочиняя «Евгения Онегина», честил А.Н. Оленина в черновиках 8-й главы почище того: «о двух ногах нулек горбатый», «пролаз, нулек на ножках» [11].

«Оленинский
период археологии»

Если иметь в виду причастность А.Н. Оленина к наукам, то особенно бросалась в глаза его активность в археологии. Современники сравнивали его с «отцом археологии» И.И. Винкельманом, называя «русским Винкельманом». Основатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров выразился весьма категорично: «Оленин был одним из основателей русской археологии» [12]. Г.С. Лебедев [13] считает деятельность Оленина столь важной для археологии, что называет период 1825 – 1846 годов в российской археологии «оленинским». А.А. Формозов, отведа А.С. Оленину менее видное, хотя и заметное место [14], оспорил лебедевское решение, считая его неудачным: археологическая деятельность А.Н. Оленина сказывалась только в Петербурге, и олицетворял он только одну ветвь формирования славяно-русской археологии [15].

Чтобы разобраться в этом споре, нужно рассмотреть всю карьеру А.Н. Оленина [16] и сравнить его вклад в археологию со вкладом его виднейших современников. Он на 10 лет старше З.Я. Ходаковского, старше и П.А. Дюбрюкса со И.А. Стемповским, но «оленинский период» в археологии Г.С. Лебедев начинает с 1825 года, когда З.Я. Ходаковский умер. Впрочем, и археологическая деятельность Оленина началась раньше, чем у них всех.

Потомок Ермака

2. Вверх по карьерной лестнице. Настоящая фамилия Оленина – Аленин. Олениным сделал себя сам Алексей Николаевич в расцвете своей карьеры, произведя фамилию от Оленя. А первые полжизни он подписывался Алениным. Аленины – старинный дворянский род, числящийся в своих предках Ермака, известного под этим прозвищем, тогда как по рождению он был Василием Тимофеевичем Алениным.

Образование,
приличное
светскому человеку

Родился Алексей Аленин в 1764 году в Москве, но большую часть детства провел в Салауре – родовом имении отца, в Рязанской губернии. Отец Алексея служил в лейб-гвардии конном полку, ушел в отставку полковником и женился на княжне Анне Семеновне Волконской. Дома мальчик получал хорошее и весьма широкое образование у гувернера-француза, но отец видел сына офицером, а властная мать мечтала о карьере при дворе. Она и отправила десятилетнего сына в Петербург к своей родственнице Е.Р. Дашковой, приятельнице императрицы. Екатерина II бывала у подруги и заметила там смышленного мальчика. А. Аленин был определен в пажеский корпус, где мальчики из знатных семей получали образование, приличное светскому человеку и придворному, а также изучали военные и юридические науки. Во время учебы там Алексей составил каталог своей личной библиотеки, сохранившийся в архиве и опубликованный. В библиотеке 12-летнего мальчика 30 французских книг и 19 русских. Из них 17 относятся к словесности, 7 – это грамматики и словари, 6 книг по военному делу, 6 по истории и всего по одной-две книги из естественных и точных наук, философии с религией и географии. Религии мало, а Вольтер, Ж.Л. д'Аламбер и Ж.Л.Л. Бюффон есть. В екатерининское время истовая набожность считалась подходящей для простонародья, а аристократия читала Вольтера [17]. Судя по библиотеке мальчика, это никак не Митрофанушка.

Обучение
в Германии

В 1780 году по повелению императрицы 17-летний Алексей Аленин был отправлен в Германию для совершенствования. Там он учился в Дрездене в артиллерийской школе, а потом в Штрасбурге (Страсбурге) в университете. За четверть века до него в Дрездене жил И.И. Винкельман, любясь там сокровищами античного искусства, и его вышедшая еще в 1864 году «История искусств древности» произвела на А. Аленина огромное впечатление, как и на все образованное общество. В Штрасбурге за 10 лет до А. Аленина учился молодой И.В. Гете и, пережив там любовное приключение, написал свой первый роман «Страдания молодого Вертера», сентиментально-романтический по стилю и ко времени студента А. Аленина уже европейски известный. Молодой И.В. Гете также увлекался И.И. Винкельманом и написал хвалебные статьи о нем. Вот та атмосфера, в которой А. Аленин оказался в Германии. Сам он в Дрездене, пользуясь Королевской библиотекой, составил словарь «старинных военных речений» с подробными комментариями. Разумеется, там он осво-

ил немецкий язык, так что теперь он свободно говорил по-французски, по-немецки, также знал итальянский язык, немного испанский, а из древних – латынь и церковно-славянский. Позже выучил греческий, еврейский и арабский. Легенда о Митрофанушке явно сочинена недругами.

Брак по любви

В Россию возвратился в 1885 году, был назначен капитаном в артиллерийский полк и вскоре после этого влюбился. Его возлюбленная, миловидная девушка, была дочерью певчего из придворной капеллы, который стал потом руководителем капеллы. Родом он был из мелкопоместных украинских дворян и разбогател благодаря оборотистости своей жены. Эта безграмотная женщина владела земельными участками и домами в Петербурге, Москве, Твери и других городах. Мать А. Аленина, урожденная Волконская, пять лет отказывалась благословить такой неравный брак, мечтая породниться с Долгорукими, но в 1791 году удалось уговорить ее, и 27-летний А. Аленин женился на Елизавете Марковне Полторацкой, с которой и прожил в любви всю жизнь. Во время жениховства он в составе драгунского полка участвовал в войне против Швеции. Полторацким принадлежали дома и заводы между Фонтанкой и Сенной площадью. Трехэтажный дом в этом месте А. Аленин получил в приданое. Это был их первый семейный дом, потом они поселились на Мойке и, наконец, на Дворцовой набережной.

Построение гостеприимного дома

В 1795 году А. Аленин в возрасте 31 года вышел в отставку полковником, поступил на службу в Госбанк и на деньги, полученные также в приданое, начал строить большую дачу в 20 верстах от Петербурга, в местности, которой они дали название Приютино. К началу нового века дача была в основном построена. Этот двухэтажный барский дом с гостевым флигелем, привольным садом и многочисленными службами стал на всю жизнь летним гнездом четы Алениных и их детей и гостеприимным очагом для многочисленных гостей. Аленины очень любили, чтобы в доме было всегда полно интересных гостей, и, учитывая место хозяина во властных структурах и культуре столицы, их хлебосольный очаг стал притягательным центром для людей литературы и искусства, политики и науки.

Управляющий Моментным двором

Павел I назначил А.Н. Аленина управляющим Монетным департаментом и обер-прокурором в 3-й департамент Сената. А.Н. Аленин перестроил и переоборудовал Монетный двор и преподнес Павлу I на серебряном блюде груды новочеканенных монет. Павел I тут же надел на шею А.Н. Аленина Большой Мальтийс-

Директор
Императорской
библиотеки

кий командорский крест. Потом к ним постепенно прибавлялись высшие ордена империи.

Александр I сразу же по воцарении, в 1801 году, сделал А.Н. Аленина своим статс-секретарем. В 1808 году 44-летний А.Н. Аленин был назначен помощником директора императорской библиотеки графа А. С. Строганова, а в 1811 году он был утвержден директором. Какие-то мистические связи протянулись между этими двумя родами. В свое время дед Ермака бежал от царского гнева в Сибирь к Строгановым, а теперь А.Н. Аленин стал помощником А.С. Строганова. Помощником своим А.Н. Аленин взял своего приятеля С. С. Уварова, и тот исполнял эту должность много лет – вплоть до своего назначения министром народного просвещения.

Императорская библиотека была создана на базе трофейной библиотеки Польской республики и для нее было построено специальное здание на Невском проспекте. Предшествующие управители библиотеки французы граф М.Г.Ф.О. де Шуазель-Гуфье и шевалье д'Огар привели библиотеку в состояние развала и разрухи, многие книги пропали. А.Н. Аленин перестроил здание, пробив новые окна для света и ликвидации сырости, расставил в залах шкафы удобнее (с просторным подходом к ним) и увеличил их количество, украсил библиотеку статуями и бюстами, устроил читальный зал для посетителей и превратил библиотеку в Публичную. Кроме того, он разработал специальную систему библиографической классификации для каталога (вышла отдельной книгой в 1809 году). Но каталог предназначался только для инвентаризации, а не для поиска книг. Аленин также выхлопотал крупные ассигнования на покупку новых книг и постановление, чтобы при любом издании в России в императорскую библиотеку поступал безвозмездно обязательный экземпляр. На службу в библиотеку он принял известных литераторов И.А. Крылова, Н.И. Гнедича, А.Х. Востокова.

Истинный
основатель
Публичной
библиотеки

Собственно, он является истинным основателем Публичной библиотеки в Петербурге, он сделал для нее чрезвычайно много. Но в таком новом деле не могло обойтись без упущений – так, вместо каталога с шифрами-адресами книг был изготовлен только инвентарь. Все это приходилось переделывать одному из следующих директоров, М. А. Корфу – естественно его раздражение. Да и зависть к успехам А.Н. Аленина, вероятно, сказывалась.

Наставления
сыновьям,
отправляя на войну

Открытие библиотеки было назначено на 1812 год, но война заставила повременить с ним. Отправляя старших сыновей Николая и Петра на войну, А.Н. Аленин

напутствовал их письмом, содержащим родительские наставления, дающие представление об убеждениях самого отца. Он просил сыновей, чтобы их деяния были «честны, человеколюбивы и не заторны».

Далее он наставлял сыновей: «Будьте набожны без ханжества, добры без излишней нежности, тверды без упрямства; помогайте ближнему всеми силами вашими, не предаваясь эгоизму, который только заглушает совесть, а не успокаивает ее. Будьте храбры, а не наянливы, никуда не напрашивайтесь, но никогда не отказывайтесь, если вас куда посылать будут, хотя бы вы видели перед собою неизбежную смерть, ибо, как говорят простолюдины, “двух смертей не бывает, а одной не миновать”. Я и сам так служил и служить еще буду, если нужда того востребует. Будьте учтивы, но отнюдь не подлы, удаляйтесь от обществ, могущих вас завлечь в игру, в пьянство и другие скаредные распутства, неприличные рассудительному и благовоспитанному человеку... Будьте бережливы, но не скаредны и в чужой земле берегите, как говорят, деньгу на черный день».

В конце письма следовала приписка, очень характерная во все времена для России: «P.S. Если вы будете к нам писать по возможности, то ни о каких политических делах не уведомляйте, нам только нужно знать о здоровье вашем, о выборе знакомства, о прилежании вашем к учению, т.е. к наукам и художествам, буде вы на то можете употребить время от службы остающееся» [18].

Гибель сына
и горе отца

В Бородинском сражении старший сын Николай был убит ядром, которое вырвало у него сердце, а второй сын Петр получил ранение в шею и руку. Убитый горем А.Н. Аленин возвел памятник сыну в своем саду. Впоследствии Л.Н. Толстой использовал этот случай в «Войне и мире» для образа князя Болконского – тот тоже поставил памятник сыну в своем саду. Как и А.Н. Аленин, Л.Н. Толстой тоже происходил от Волконских по материнской линии и приходился погибшему Петру Аленину троюродным братом.

В ожидании Наполеона к Петербургу А.Н. Аленин упаковал и вывез из Петербурга на бриге 150 тысяч книг из императорской библиотеки на противоположный берег Ладожского озера; потом их пришлось возвращать и снова расставлять.

Секретарь
Государственного
Совета

В 1812 году А.Н. Аленин получил повышение: он стал членом и секретарем Государственного Совета вместо разжалованного и сосланного М. М. Сперанского. Именно в это время он стал подписываться через «О»

Президент
Академии
художеств

(Оленин) и придумал себе монограмму, в которой О было основой, а на него снизу наезжало Л, так что нижняя часть О образовывала перекладину в А, снизу же торчали две ножки этой буквы. Следом за ним переменяла фамилию и вся родня.

В 1817 году А.Н. Оленин получил еще один пост – президента Академии художеств. В Академии он застал еще худшие развал и разруху, чем в библиотеке. Студенты обносились и голодали, старшие классы избивали младших учеников, здание обветшало и грозило обрушениями, в кассе было всего 17 рублей 26 копеек, а долг составлял 300 тысяч. В то же время управители нажились и разбогатели. А.Н. Оленин добился средств на ремонт и благоустройство, направил на продажу копии, сделанные учениками, накупил хороших красок и других материалов, организовал досуг воспитанников. В залах установил закупленные за границей копии с античных скульптур, чтобы ученики копировали и срисовывали шедевры античного искусства – в полном соответствии с рецептами И.И. Винкельмана. Академия при нем расцвела. «При всем том, – вспоминает очень почитавший его Ф.Г. Солнцев, – справедливость требует упомянуть, что Алексей Николаевич не пользовался расположением своих подчиненных, почему – решительно недоумеваю» [19].

Возможно, сказывался контраст между невзрачной внешностью А.Н. Оленина и его активностью, всеведением, вездесущностью и неустанным возвышением.

Отстаивание
ценности свободы
художника

3. Либерал и слуга самодержавия. А.Н. Оленин также провел в жизнь постановление министерства о запрете обучать в Академии крепостных – те, которые уже обучаются, должны быть либо отпущены на свободу своим помещиком, либо изгнаны из Академии. Но никто из помещиков не согласился отпустить своих крепостных. А.А. Аракчеев, крепостной которого был также отчислен, возмущался в письме к А.Н. Оленину: «Почему господам не иметь права отдавать и выучить и сделать настоящим человеком из своих людей, но приневолить меня никто не может сделать его вольным».

В ответном письме А.Н. Оленин объяснял А.А. Аракчееву, почему нельзя крепостных обучать совместно со свободными: «...в академии воспитываются художники, в которых, по существу их званий, должно непременно, для истиной пользы и возвышения искусства, возвышать и мысли, и чувствования, образовать их ум и сердце, говорить им непрестанно о свободе мыслей, о свободе в выборе предметов учения, о свободных художествах, ибо они так испокон века называются всеми просвещен-

Сочетание идеи о
благе свободы и
незыблемости
крепостного права

ными народами. Таким образом крепостной человек, несколько лет сряду проучившийся, по наставлениям учителей своих и товарищей, к слову “свобода” и к понятиям о личной свободе, о необходимости оной для свободных художеств, о правах художества, об открытой ему дороге к получению посредством успеха в оных чинов и личного даже дворянства возвращается наконец в дом к своему помещику в крепостное состояние, и тут не токмо в совершенном отчаянии и в жестокой самой к нему ненависти, но с ненавидением даже и того дарования, посредством коего он мыслил выйти из несносного для него крепостного состояния, тут, по общей привычке русского народа, он начинает с горя пить...» [20].

Здесь видно, что вольтерьянские мысли о благе свободы вполне сочетались в А.Н. Оленине с убеждениями в незыблемости крепостного права. Свобода, но не во всем и не для всех. При всем том он не без оснований слыл либералом. В 1819 году предложенный им устав восстанавливаемого Петербургского университета был отвергнут как несовместимый «с духом правительства и министерства духовных дел, манифеста о соединении министерств» (имелось в виду слияние министерства духовных дел и народного просвещения). А.Н. Оленин был обвинен в том, что стремится «противопоставить книгам Бытия историю человеческого рода», деля кафедру естественной истории на кафедры зоологии, минералогии и ботаники, чтобы «приблизить университет к анархии» [21].

Еще более он проштрафился в эпизоде со своим вице-президентом. В 1822 году А.Н. Оленин был вынужден (видимо, под давлением или по намеку сверху) предложить совету Академии художеств избрать в почетные академики царского фаворита А.А. Аракчеева, которого он очень не любил, и еще двух особ, приближенных к государю. На это предложение вице-президент А.Ф. Лабзин, человек грубый и прямой, высказался так: если совет сочтет их достойными этих званий только из-за их близости к государю, то он, в свою очередь, предлагает избрать и царского кучера Илью, потому что он к царю ближе всех и даже может сидеть к царю спиной. А.Н. Оленин пошутил, что сообщит выбираемым о том, какого товарищества удостоил их А.Ф. Лабзин. Царь же распорядился за такую дерзость уволить А.Ф. Лабзина и сослать в деревню, а А.Н. Оленину за то, что отделался шуткой, – «строжайший выговор».

Верный слуга
государя

Восстание декабристов в 1825 году А.Н. Оленин встретил с негодованием и страхом. «О безумие! О злодейство, – писал А.Н. Оленин дочери, – потому что если б

этим, просто сказать, разбойникам удалось сделать переворот, то они бы погрузили Россию в потоки крови на пятьдесят лет» [22]. А.Н. Оленин был верным слугой царю, а кровавый характер радикальной революции он понимал на примере Франции, но была тут, вероятно, и оглядка на возможную цензуру (вспомним его приписку в наставлении сыновьям). Все время восстания А.Н. Оленин находился в архиве Государственного совета, и именно у него хранились текст отречения Константина в пользу Николая и документы, подготовленные для присяги.

Но вот участвовать в работе следственного комитета и Верховного уголовного суда он отказался. Он мотивировал это тем, что среди арестованных находится его двоюродный брат С.Г. Волконский, но причины были глубже: многие из декабристов (братья С. и М. Муравьевы-Апостолы, М.П. Бестужев-Рюмин, С.П. Трубецкой, Е.П. Оболенский, Н.И. Тургенев, Ф.П. Толстой, И.Г. Бурцов и др.) были друзьями дома, а за младшего сына, Алексея, А.Н. Оленин очень беспокоился, и вполне обоснованно: Алексей (чего отец не знал) состоял в «Союзе Благоденствия», правда, рано вышел из него. На допросах о его участии говорили многие декабристы (они вообще легко выдавали друг друга). Дочь Аннет уже после восстания и ссылки записывала в дневнике: «Видеть народ свободным – есть желание сильнее души моей». И поясняла: «свобода – в запрете продажи людей, в освобождении от крепостного права за выкуп, а не в конституции, которую хотели дать декабристы. Очевидно, в этом отражались разговоры в семье...» [23].

Царь снизошел к старому слуге: сведения об участии Алексея Оленина в тайном обществе велено было оставить без внимания. Но Алексею пришлось подать в отставку со службы в Гвардейском генеральном штабе, и он оставался под надзором. Отец же в 1828 году был назначен членом Главного управления цензуры. В 1836 году он распорядился в библиотеке «площадных повестей, гадательных книг, романов, журналов и других тому подобных бесполезных и большей частью вредных для юношества сочинений, без особого разрешения начальства сей библиотеки никому не выдавать». Традиция спецхранов была заложена в России уже тогда, и тоже А.Н. Олениным.

В остальном же его деятельность оставалась подвижнической. В 1831 году во время эпидемии холеры и холерных бунтов библиотека была закрыта на пять месяцев. Чиновников и докторов темные люди хватили и убивали, подозревая, что это они разводят холеру. На

Член Главного
управления
цензуры

Подвижничество
и служение
до преклонных лет

Сенной площади казаки усмиряли беспорядки. По воспоминаниям Ф.Г. Солнцева [24], на Гороховой толпа, увидев карету, везущую холерных больных в госпиталь, набросилась, вытащила из нее больных, отпрягла лошадей, а саму карету опрокинула в канаву с криками: «холеру потопили!». В. Ф. Одоевский писал тогда князю Г.П. Волконскому: «Из всех живых я видел почти одного Оленина – в огромной шинели, с портвейном в руках, с сигарой в зубах, с холерой на языке и между тем со спокойствием в сердце, ибо он принадлежал к числу немногих, которые во время болезни сохранили присутствие духа и хладнокровие; он прекрасно действовал и со всеусердием помогал больным; я его вдвое больше полюбил с сего времени» [25].

В 1838 году умерла любимая супруга Алексея Николаевича Елизавета Марковна. Приютинно, приносившее только убытки и напоминавшее об утрате, продали в 1841 году. В 1843 году 79-летний А.Н. Оленин, сильно одряхлевший и больной, подал в отставку, которую царь не принял; в апреле того же года престарелый сановник умер.

Кружок любителей
античности
Н.А. Львова

4. «Оленинский кружок». В XIX веке, когда научные учреждения, общества и журналы были еще немногочисленны и слабы, большую роль в развитии культуры играли неформальные кружки интеллигенции по интересам и литературные салоны. Таким кружком было в последней трети XVIII века содружество, сложившееся вокруг архитектора и поэта Н.А. Львова. В этот кружок, увлекавшийся античной культурой, входили поэты Г.Р. Державин, В.В. Капнист, И.И. Хемницер, М.Н. Муравьев. Собирались они обычно в доме Державина, который с ростом своей поэтической славы и административного положения (от губернатора к министру) все больше выдвигался на первое место в этом содружестве. В этот круг друзей в 1790-е годы втянулся и А.Н. Оленин, который был в нем самым молодым (на 20 лет моложе Г.Р. Державина).

А.Н. Оленин пришелся ко двору своими знаниями античных древностей и своими рисовальными способностями. Вместе с Н.А. Львовым они изготовили в 1795 году иллюстрации к изданиям стихов Г.Р. Державина – виньетки и аллегии. Г.Р. Державин высоко оценил искусство «изографа» А.Н. Оленина, обращаясь к нему в стихах с новым заказом:

*Оленин милый! Вспомяни
Твое мне слово – и черкни.
Представь мне... и т. д.*

Свой круг
родных, друзей и
единомышленников

С ростом административной и прочей влиятельности А.Н. Оленина, с обустройством его дома на Фонтанке и просторной дачи в Приютино, вокруг него и в гостеприимном салоне Елизаветы Марковны стал складываться свой круг родных, друзей и единомышленников. Сначала сюда вошли драматурги А.А. Шаховской, В.А. Озеров и С.Н. Марин, затем в начале XIX века драматург и баснописец И.А. Крылов, а вскоре поэт и переводчик Н.И. Гнедич, поэт К.Н. Батюшков и др. Из художников сюда входили О.А. Кипренский, позже братья А.П. и К.П. Брюлловы и др. Кружок занимался творчеством в стиле классицизма, а его влиятельность в обществе и известность распространялась не только через литературу и спектакли, но и через салон Олениных, где бывали княгиня Голицына, князья Волконские, графы Чернышевы, растущий сановник С.С. Уваров, которому, по его признанию, А.Н. Оленин был «с ранней молодости в числе коротких приятелей» [26].

И.А. Крылов и Н.И. Гнедич, не имевшие собственной семьи, подолгу жили у Олениных, являясь как бы их домочадцами. А.Н. Оленин выпросил у Александра I десять тысяч рублей на роскошное издание басен И.Н. Крылова, а к юбилею баснописца выхлопотал ему орден. Н.И. Гнедичу он помогал представлять древнегреческие реалии для перевода «Илиады», и каждая песнь ее оглашалась прежде всего в доме Олениных.

Общества «Беседа»
и «Новый Арзамас»

После Отечественной войны в число близких знакомых вошел переехавший из Москвы поэт и царедворец В.А. Жуковский (к его стихам А.Н. Оленин также рисовал виньетки). В.А. Жуковский принадлежал к числу московских поэтов, объединившихся вокруг Н.М. Карамзина и начавших писать романтические баллады с модной чувствительностью. А.А. Шаховской высмеивал эту новомодную слезливость как пришедшую с Запада. Литераторы разделились: ревнители старого русского слова объединились в общество, названное «Беседой» (отставной адмирал А.С. Шишков, Г.Р. Державин, А.А. Шаховской, И.А. Крылов, поначалу А.Н. Оленин, но потом А.Н. Оленин рассорился с А.А. Шаховским), а сторонники романтизма создали по инициативе С.С. Уварова свое объединение «Новый Арзамас» (К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Ф.Ф. Вигель, позже А.С. Пушкин). Литературная борьба не мешала противникам сходиться в доме Олениных. Вместе с ними Приютино посещали А.С. Грибоедов, А. Мицкевич.

Влюбленность
А.С. Пушкина
в дочь А.Н. Оленина

А.С. Пушкин бывал у А.Н. Олениных вместе с другими «арзамасцами» после окончания лицея (1817 – 1820) и затем после возвращения из ссылки в 1827 году. В 1828 году он начал ухаживать за дочерью А.Н. Оленина Анной, столь же маленького роста, как и отец. Многие любовные стихи А.С. Пушкина посвящены ей [27]. На стихи П.А. Вяземского, посвященные глазам другой красавицы, А.С. Пушкин возражал:

*Она мила – скажу меж нами –
Придворных рыцарей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!...*

Цензурируя
А.С. Пушкина

Летом 1828 года подошло к концу начатое в 1826 году рассмотрение дела о запрещенных цензурой стихах А.С. Пушкина, которые были все-таки пущены по рукам. Объяснения самого А.С. Пушкина и решение Сената объявить его подпиской впредь не обходить цензуры поступили в департамент гражданских и духовных дел Государственного Совета. В департаменте под еще более обтекаемым решением подписались А.Н. Оленин и еще двое членов. Но в общем собрании членов Совета к этому добавили секретный негласный надзор за поэтом. Вряд ли об этом А.Н. Оленин сообщал А.С. Пушкину: он был слишком осторожен. Но о требовании подписки А.С. Пушкин, конечно, знал, как представлял себе и участие А.Н. Оленина в заседании Государственного Совета и репрессивном решении. В начале августа к этому добавилось обнаружение богохульной поэмы «Гавририады». А.С. Пушкин был допрошен и отрицал свое авторство. С него взяли подписку о полном подчинении цензуре. Он был взбешен.

Размолвка
с А.С. Пушкиным

Тут же добавилось и неудачное сватовство к Анне Олениной. Она А.С. Пушкина никогда не любила, маманька была тоже всегда против этого брака, а вдобавок А.С. Пушкин злословил в свете (Олениным передали, и это записано в дневнике Анны Олениной): «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам» [28]. Предполагалась помолвка, но сорвалась. По воспоминаниям одного из учеников К.П. Брюллова

(видимо, по слухам), А.С. Пушкин прибыл на нее уже после обеда, тотчас А.Н. Оленин имел с женихом объяснение один на один в кабинете, и А.С. Пушкин перестал бывать у А.Н. Олениных [29]. По другим данным, помолвки и не было, потому что Оленины не хотели породниться с бедным и опальным поэтом [30]. После этого о бывшей возлюбленной он писал уже так (в черновиках 8-й главы «Евгения Онегина»):

*Anette Olenine тут была...
Уж так жеманна, так мала!..
Так бестолкова, так писклива,
Что вся была в отца и мать.*

Теперь и несостоявшийся тесть стал «пролаз, нулек на ножках».

5. Изучение античных древностей. Все это время А.Н. Оленин занимался изучением древностей – нумизматикой (создал в библиотеке отдел нумизматики, впоследствии переведенный в Эрмитаж), эпиграфикой, археографией, археологией, и нельзя сказать, что это был его досуг (как «Досуги Крымского судьи» А.П. Сумарокова). Нет, это скорее театральные, художественные и литературные занятия были досугом, а изучение древностей было для него серьезным делом, хотя и не основной профессией. Археология была не выделена из прочих отраслей изучения древностей (нем. *Altertumsforschung*).

Всю жизнь он оставался верен заветам И.И. Винкельмана. «Памятники искусства древних, подлежащие археологическому разбору. – писал он, следуя И.И. Винкельману, – должны быть мне представлены, при ученых толкованиях об оных... не иначе... как с приложением подлинных памятников, или по крайней мере с самыми верными и подробными противными (это старинное русское слово вместо иностранного *facsimile*). Вот мой символ веры археологический, филологический и технический» [31].

Вдохновленный И.Н. Винкельманом, А.Н. Оленин обожал античную культуру и считал, что прежде всего нужно добиваться точного воспроизведения античных шедевров, досконально знать античную бытовую культуру. Он был ведущим среди петербургских эллинистов [32]. Вместе с С.С. Уваровым он оговорил Н.И. Гнедича, уже шесть лет переводившего «Илиаду» ямбическим стихом, перейти на гекзаметр, и Н.И. Гнедич послушался их. В течение 20 лет (1806 – 1826) он помогал Н.И. Гнедичу разбираться в реалиях древнегреческой жизни, пояснял ему, как выглядели и что собой представляли разные вещи, оружие, доспехи, одежды, обряды.

Увлеченность
изучением
древностей

Ведущий эллинист

Раскопки скифских курганов в Керчи

Но особого размаха его увлечение античными древностями достигло в начале 1830-х годов, когда в Керчи была случайно обнаружена богатейшая скифская могила в кургане Куль-Оба (1830). С самого начала А.Н. Оленину было доверено царем курирование этой сенсационной находки и всего, что с ней связано. В 1831 году А.Н. Оленин обратился к одесскому градоначальнику А.И. Левшину с вопросом: «Возможно ли с успехом продолжать отыскивание древностей в Крыму, на тех местах, где некогда существовала Пантикапея, а ныне построен г. Керчь?». А.И. Левшин ответил утвердительно и пояснил, что на ведение таких раскопок потребуется в течение 10 лет отпустить по две тысячи рублей, а руководство работами можно возложить на Керчь-Еникальского градоначальника И.А. Стемпковского, известного своими археологическими изысканиями, для зарисовок же прислать художника из Академии художеств.

Ревностное отношение к изучению керченских древностей

Император, впечатленный рассказом молодого чиновника Д.В. Карейши, привезшего сокровища из гробницы в Петербург, поручил ему раскопки под контролем И.А. Стемпковского. Все письменные отчеты Д.В. Карейши и директора Керченского музея древностей А.Б. Ашика передавались на заключение А.Н. Оленину и в Эрмитаж академику Кёлеру. Правда, император поручил Г.К.Э. Кёлеру, а не А.Н. Оленину составить научное описание находок, чем А.Н. Оленин был уязвлен настолько, что занялся сам, параллельно с Г.К.Э. Кёлером, изучением древностей из Куль-Обы и собирался издать книгу.

И.В. Тункина разыскала в дневнике княгини М.А. Гагариной запись на французском: «Господин Оленин принес мне одну вещь, замечательную как в отношении исполнения, так и с точки зрения его собственных исторических исследований. Это рисунки русских древностей, найденных в Керчи, – колье, браслеты, сделанные в греческом вкусе, и некоторое количество деталей в барельефах и орнаменты, доказывающие аналогию, прослеживаемую между греческими и русскими вещами... Рисунки очень красивы, ... а описание их будет сделано самим Олениным. Он один из наиболее интересных людей, встреченных мною в России, человек высокообразованный, чрезвычайно добрый, приятного характера. Он обладает всем, чтобы поддержать и защитить все, что ему доверяют» [33].

Нереализованная идея книги

Занятый бездной других дел, А.Н. Оленин так и не осуществил намерение выпустить книгу о Куль-Обе. В его архиве обнаружена в нескольких вариантах рукопись «Керченские греко-скифские древности, или краткий

разбор вещей, найденных в 1830 г. в древней гробнице близ Керчи». Он предполагал, что гробница принадлежала неким скифским, парфянским или понтийским владельцам, а вещи были греческими. Датировал он весь комплекс временем «Митридата Евпатора или Дионисия, т.е. за век и более до Р. Хр.». Сейчас ясно, что время погребения куда более древнее, но о точной дате идут споры, восточное же влияние в искусстве мастеров он уловил верно. Знаменитого оленя золотой бляхи из Куль-Обы он сравнил по манере исполнения с оленями на серебряной бляхе из Сибирской коллекции Петра, но считал, что рога и копыта изображены неверно просто по неумению [34].

«Золотая
лихорадка»
раскопок
и ошибки
археологов

Раскопки же в Крыму осуществляли А.Б. Ашик и Д.В. Карейша, причем, соперничая друг с другом и охваченные «золотой лихорадкой», в спешке погубили много курганов. Вину за это И.В. Тункина возлагает на столичных кураторов А.Н. Оленина и Г.К.Э. Кёлера. Они ни разу сами не посетили раскопки, а, проверяя отчеты, снисходительно принимали писания А. Ашика и Д. Карейши, составленные с пробелами и упущениями, но хорошим слогом, и отвергли толковую сводку П. Дюбрюкса, поскольку он был не столь образован и писал коряво и не очень грамотно даже на своем родном французском.

А.Б. Ашика А.Н. Оленин похваливал за «осторожные», «основательные» и «скромные» замечания. «Этот молодой человек может далеко идти по сей части, если не возмечтает, что он всеведущ, как то иногда думают многие из недоученных наших соотечественников». А.Б. Ашик действительно совершенствовался, улучшал свои раскопки, но многие древности погибли безвозвратно.

Попытки
скорректировать
методику раскопок

Однако в 1833 году у А.Н. Оленина возникла идея составить инструкцию для улучшения методики полевых исследований в Новороссии для «методического сколько можно производства ... поисков, с указанием на предметы, требующие особого при сем деле внимания и осторожности, а именно при открытии вещей, угрожающих мгновенным разрушением, которые ... должны быть немедленно срисованы на месте, с самою строгою точностью, отчетом и поспешностью». К сожалению, эта идея не была реализована.

А.Б. Ашика А.Н. Оленин просил все же в 1838 году при открытии гробниц «означать одними очерками места, где на остовах покойников или подле оных находились ... вещи ... и в каком порядке все сии предметы были расставлены, показывать “очерком” способ построения склепов “с лицевой их стороны и в разрезе”. Оле-

Идея
Археологической
комиссии

нин замечал также, что Д.В. Карейше “недостает некоторых вспомогательных сведений, как-то общих понятий о зодческом и строительном искусстве, также достаточного умения рисовать”» [35]. Он полагал, что так как А.Б. Ашик и Д.В. Карейша не имели специальной подготовки, то они все равно не получат «желательного полного успеха в своих работах» [36].

Более важно было то, что А.Н. Оленин еще в 1831 году предлагал создать общероссийский правительственный орган, который бы ведал археологическими раскопками в стране. Такой орган, по замыслу А.Н. Оленина, можно было бы назвать Археологической комиссией, или Попечительным советом, или Главным управлением изыскания древностей в России. Такой орган, по мысли Оленина, необходим, для «правительственного ... производства археологических поисков, для надлежащего и столь нужного для истории наблюдения нравов и обычаев народов, населяющих Россию; для систематического и осторожного производства работ при открытии древностей и для разрешения встречающихся недоумений по части археологической» [37]. В состав этого руководящего органа он предлагал включить лучших ученых Академии наук (сплошь немцев), «а может быть, со временем и наших собственных соотчичей».

Сужение
археологического
интереса
к античности

Обращает на себя внимание, что компетенцию этого органа А.Н. Оленин распространял только на Южную Россию, главной его задачей считая разведку древностей в Крыму, на Кавказе и в прилегающих землях, то есть явно связывая его с изучением античных древностей – они милы сердцу поклонника И.И. Винкельмана, они способны показать «просвещенной Европе, какими разнородными богатствами Россия изобилует – даже и в изящных произведениях искусства древних греков!», а к тому же они могут дать те сокровища для Эрмитажа, которые так ценит двор. Стоит отметить, что археологические работы не отделены в задачах планируемого органа от этнографических наблюдений – археология еще оставалась в представлении А.Н. Оленина невыделенной из общего сонма исторических вспомогательных наук, хотя для него эти науки практически уже существуют отдельно от самой древней истории – как ее источниковедение.

А.Н. Оленин излагал свою идею о необходимости создания Археологической комиссии или чего-то подобного в письме к министру двора П.М. Волконскому, но тот откликнулся вопросом об издержках, и дело заглохло [38]. Снова оно всплыло только через два десятиле-

тия, когда все археологические раскопки были подчинены министру внутренних дел графу Л.А. Перовскому (с 1852 года), после его смерти переданы Строгановской комиссии, а с 1859 года – Археологической комиссии (и название-то использовано оленинское!). И снова в связи с его именем всплыло имя Строганова – на сей раз Сергея Григорьевича.

Увлеченность
античностью
и эпоха
классицизма

6. Изучение русских древностей. А.Н. Оленин был воспитан и вырос в екатерининское время, когда Россия получила новороссийские земли, богатые античными памятниками, а просвещенные люди увлекались древнегреческими авторами и И.И. Винкельманом. Естественно, что А.Н. Оленин знал и любил античную культуру, изучал античные древности. А.А. Формозов [39] полагает, что, взявшись за изучение русских древностей, А.Н. Оленин подгонял их под античный, классический образец. А.А. Формозов вообще считает эту тенденцию характерной для времени Александра I (видя в А.Н. Оленине ее выразителя), тогда как увлечение русскими средневековыми памятниками и их противопоставление античным начинается со времени Николая I, напуганного декабристским восстанием и связывающего античные идеалы с революцией.

Противник
смешения эпох

Такая характеристика А.Н. Оленина представляется мне не совсем верной. А.А. Формозов опирается на замечание Л.Н. Майкова (в биографии К.Н. Батюшкова) об установках оленинского кружка: показать, что «героическое, возвышающее душу присуще не одному классическому – греческому и римскому миру, оно должно быть извлечено из преданий русской древности и возведено искусством в классический идеал». А.А. Формозов связывает с этим появление героев русского прошлого в античных одеждах на картине О.А. Кипренского о Дмитрии Донском (1805) и на памятнике Минину и Пожарскому И.П. Мартоса (1818). Но это произведения искусства, к тому же довольно ранние, близкие по времени к Медному Всаднику (тоже в античном одеянии). Сам А.Н. Оленин как раз был против такого смешивания эпох. В разработанном им курсе археологии для художников он вменял им основываться на верных сведениях ученых, «ибо ничто не может быть столь неприятно для образованного любителя художеств, как видеть в превосходно исполненной картине нелепое и невежественное смешение обычаев, обрядов, одеяний, оружия, архитектуры и скарба, совершенно несвойственных народу и времени, к которому изображенное живописцем или ваятелем ... принадлежит» [40].

Улавливая дух
времени

Кроме того, А.Н. Оленин был истинным царедворцем и очень хорошо улавливал дух времени и настроения государя и светского общества. В соответствии с веяниями национального романтизма он очень рано обратился к русским древностям, писал о них не меньше, чем об античных. Но он действительно не противопоставлял их античным образцам и не создавал их искусственно (в отличие от николаевских квасных патриотов И.П. Сахарова и др., описанных А.А. Формозовым).

Более того, А.А. Формозов [41] цитирует «Николаевскую Россию» маркиза де Кюстина, чтобы проиллюстрировать, как насаждалась фальсификация церквей под древность. Г.С. Лебедев [42] добавляет к этому цитату из В.В. Стасова об архитекторе К.А. Тоне, который, применившись к запросам и угодив «в такт», изобрел псевдорусский стиль. Но вот как описывает это изобретение очевидец Ф.Г. Солнцев [43]: в конце 1830-х годов государь был недоволен проектами Большого Кремлевского дворца – он возмущался: «Что это все хотят строить в римском стиле», и требовал, чтобы было «в русском вкусе».

«Тон приехал по этому поводу к А.Н. Оленину, который, указавши на мои и Ефимова рисунки, посоветовал ему сделать что-нибудь в этом роде. Тон составил проект русского храма XVII века. Государю этот проект очень понравился. Тон приобрел известность, и с тех пор начались в России постройки храмов и зданий в русском стиле».

Интерес к русским
древностям

Русские древности привлекали А.Н. Оленина еще до Отечественной войны.

В 1802 – 1804 годы он вел спор с маститым историком Л. Шлёцером о способах публикации русских летописей. Л. Шлёцер считал разумным публиковать только свою реконструкцию – восстановленный им по многим спискам текст Повести временных лет. А.Н. Оленин же требовал публикации самих списков, со всеми их языковыми и смысловыми разночтениями, чтобы можно было проверить любую предложенную реконструкцию.

Первые труды
по палеографии
и эпиграфике

Затем А.Н. Оленин занялся Тмутараканским камнем. В 1794 году была издана книга графа А.И. Мусина-Пушкина «Исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжества». Где только его ни помещали историки – в Рязанской земле, у Азовского моря, у Астрахани... Для А.И. Мусина-Пушкина, известного коллекционера и любителя истории, дело решал Тмутараканский камень. Камень этот (мраморная плита) с надписью был найден на Тамани в 1792 году. В надписи сообщалось, что князь Глеб Святославович измерил по льду

ширину Керченского пролива и указан год этого события – по нынешнему летосчислению 1068. В книге рисунок камня был исполнен А.Н. Олениным (тогда еще Аленыным). Теперь возникли подозрения в том, что камень подделан. А.И. Мусин-Пушкин обратился к А.Н. Оленину как к знатоку древностей за поддержкой. К этому времени А.Н. Оленин имел постоянного помощника в лице Александра Ивановича Ермолаева, окончившего Академию художеств в 1800 году. А.И. Ермолаев жил в доме Олениных и помогал ему во всем. Вместе они провели в 1806 году дотошное изучение слепка с надписи, формы букв, написания слов, и А.Н. Оленин издал сочинение о Тмутараканском камне в виде письма к А.И. Мусину-Пушкину. Он подтвердил подлинность находки, древность камня и местоположение Тмутаракани. Это был первый в России труд по палеографии и эпиграфике.

Что должна иметь русская словесность?

Он содержал такое программное заявление: «Доколе русская словесность не будет иметь: 1. Полного собрания, или свода всех наших летописей и разных других древних русских и иностранных книг, в коих находятся повествования о России, 2. Древней Российской географии, основанной на ясных исторических доводах, и, наконец, 3. Палеографии славянороссийской, то до времени, пока все это изготавится, – историю Русскую будет трудно писать» [44].

По просьбе Н.М. Карамзина А.Н. Оленин посылал ему отрывки «Остромирова евангелия», скопированные А.И. Ермолаевым. Постепенно А.И. Ермолаев превратился в опытного палеографа.

В 1809 году возле Юрьева-Польского был найден шлем с древнерусской надписью, упоминающей имя Федора. А.Н. Оленин смог по этим данным установить, что шлем принадлежал Ярославу Всеволодовичу, во крещении Феодору, и был им утерян в Липецкой битве 1216 года.

Археографическая экспедиция и идея о полном собрании русских летописей

Уже через год после своего назначения в библиотеку, в 1809 году, А.Н. Оленин выхлопотал разрешение и пятидесяти тысячное пособие на проведение первой длительной археографической экспедиции по России. Экспедицию возглавил К.М. Бороздин, сын сенатора и любитель древностей, а участие приняли А.И. Ермолаев, архитектор П.С. Максютин и художник И.А. Иванов. Задачей экспедиции были поиски старинных грамот, старинных одежд и зарисовка древних строений и изваяний. Экспедиция продолжалась полтора года и охватила Старую Ладугу, Белозерск, Вологду, Киев, Чернигов и другие старые города.

Критическое отношение к археологическим источникам

После этой экспедиции А.Н. Оленин развернул свою идею о необходимости собрать воедино и издать все русские летописи. Он обращался с этой идеей в Синод. В «Кратком рассуждении о издании полного собрания русских летописей» он изложил программу такого издания, начатого в широком масштабе уже после его смерти.

После смерти А.И. Ермолаева в 1828 году А.Н. Оленин привлек к себе другого молодого художника, Федора Григорьевича Солнцева, который был сыном крепостного, окончившим Академию художеств в 1827 году с золотой медалью. По поручению А.Н. Оленина теперь Ф.Г. Солнцев объезжал города России, зарисовывая древности. А.Н. Оленин обучал Ф.Г. Солнцева критическому отношению к археологическим источникам: «Я обязан Вам сказать, в осторожность, что вы должны худо верить всем наименованиям, данным в Оружейной палате разным предметам старинного нашего оружия, утвари, одеяния и скарба. Особенно остерегайтесь в показаниях о принадлежности тех вещей такому-то, будто бы знаменитому вельможе, князю или царю. Покойный П.С. Валуев, некогда начальствующий над Московской мастерской Оружейной палаты, имел страсть приписывать сии предметы в принадлежность знаменитым людям в истории русской. Он это делал без всякого основания и без доказательств, а единственно по пустым преданиям или по собственному изобретению. Также и г. Свиныну прошу не верить: его воображение слишком пылко для холодных археологических исследований. Итак, если вы в старинных самых описях мастерской Оружейной палаты не найдете подтверждения, что такая-то вещь принадлежит именно такому-то, то всякий раз следует писать таким образом: доспех, латы, броши, зерсало, кольчуга, шлем... приписываемые такой-то особе» [45].

Эти строки 1830 года очень напоминают такие же наставления И.И. Винкельмана. Одним из итогов солнцевских экспедиций стало открытие фресок киевской Софии.

В помощь историческим живописцам А.Н. Оленин издал в 1832 году «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Трояна и русских до нашествия татар». Одновременно он готовил «Полный живописный курс археологии и этнографии для художников».

«Рязанские русские древности»

Еще в 1822 году недалеко от Рязани был найден клад драгоценностей, как оказалось XII – XIII веков (это было место Старой Рязани, разрушенной полностью при татаро-монгольском нашествии). Эта находка сразу же резко

усилила внимание общества, ориентированного все еще на античные памятники, к русским древностям. Естественно, что Оленин, занимавшийся уже с начала века и русскими древностями, также стал изучать эту сенсационную находку и в 1831 году выпустил солидную книгу «Рязанские русские древности». Видимо, царь потому и поручил не ему, а Г.К.Э. Кёлеру исследовать находки из Куль-Обы, что, возлагая на А.Н. Оленина общее курирование археологическими изысканиями всякого рода, считал его самого прежде всего специалистом по русским средневековым древностям, а не по античным.

Проект «Древностей России»

Как можно было убедиться, пафос А.Н. Оленина относительно всех отечественных древностей (летописей, надписей, монет, археологических объектов) состоял в их сборе, сведении воедино и издании для удобства изучения и использования при написании истории. В 1841 году А.Н. Оленин составил черновой проект «Древностей России», в котором писал: «Размышляя о несовершенстве Отечественной нашей истории и розыскивая истинные тому причины, находим мы, что источники, из которых она почерпнута, весьма недостаточны. Хотя сведения о нравах, обычаях и просвещении предков наших хранятся во многих рукописях и в памятниках древнего нашего искусства, но все это находилось доселе, так сказать, под спудом, и в печати, а особливо в гравировке, мало что еще в свет показалось, – а потому доселе История Российская составляет токмо самое скучное летосчисление (такой-то великий князь родился, женился, воцарился, побил своих соседей или был побежден и умер).

Нет в ней той общей черты, которая посредством описания нравов и обычаев разного времени сближает отдаленные народы и доказывает единообразие рода человеческого. Нет в ней тех знаков, по которым проследить можно меру познаний, причины падения или возвышения искусства, степень просвещения, влияние оно на благоденствие народов» [46].

От истории событий к истории культуры

Ради этого он и предлагает собрать все летописи и сочинения прошлых веков и издать их, извлекая из них рассуждения о нравах и обычаях, а также сопроводить «картинами». То есть его не удовлетворяет традиционная событийная история, сводимая к деятельности царей и героев, история карамзинская. Ему видится история законов, нравов и обычаев – история культуры. Такую писал Вольтер, такую писал И.И. Винкельман. Вот для чего он изучает древности всякого рода, включая археологические.

Докладная записка
государю

На основе своего проекта А.Н. Оленин подал докладную записку государю. В последний год его жизни, 1843-й, по распоряжению Николая I создается комиссия для подготовки многотомного издания «Древности Российского государства». В эту комиссию вошли патриарх изучения российских древностей А.Н. Оленин, оленинский выученик художник Ф.Г. Солнцев, попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов (опять Строганов!), директор Оружейной палаты А.Ф. Вельтман и профессор Московского университета И.М. Снегирев. А.Н. Оленин так формулировал задачи издания: «Главная цель сочинения ... будет состоять в точнейшем исследовании нравов, обычаев и одежды русского народа от VI до XVII веков». Каждой категории (церковной утвари, царским регалиям, оружию, посуде, зодчеству и т. п.) предполагалось посвятить отдельный том. Шеститомное издание вышло уже после смерти А.Н. Оленина, в ближайшее десятилетие (1849–1853). Перед тем И.М. Снегирев с помощью Ф.Г. Солнцева издал в нескольких томах и «Памятники московской старины» (Ф.Г. Солнцев изготовил к ним рисунки).

Это был как бы памятник ушедшему энтузиасту издания сводов.

Значение
А.А. Оленина
в истории
отечественной
археологии

Как же можно в итоге охарактеризовать значение А.А. Оленина в истории отечественной археологии? В письмах академику Г.К.Э. Кёлеру он сам скромно оценивал себя как образованного любителя. По сравнению с ним Г.К.Э. Кёлер был, конечно, профессионалом, но гораздо более ограниченным и узким. А.Н. Оленин занимался не только археологическими исследованиями, но и другими делами, археологические же исследования его охватывали очень широкий круг вопросов. Кроме того, он мыслил широко и продумывал общую организацию науки о древностях в стране, направляя ориентацию исследований, более того, добивался единой методики раскопок, а благодаря его влиятельности и лидерству его идеи в конце концов реализовались. Да, больше всего его лидерство ощущалось в Петербурге, но ведь это была столица.

Можно сомневаться в том, что именно Академия художеств была в это время археологическим центром страны, как это полагал Г.С. Лебедев (древности больше стекались в Императорскую библиотеку и Эрмитаж), можно также не принимать именование периодов по личностям, но, пожалуй, для своего времени А.Н. Оленин был в России самым влиятельным в археологическом изучении древностей. Он был первым в стране, чьи работы могли быть изданы (и были изданы) как «археоло-

«Памятниками
проверять
предания»

логические исследования», причем среди них есть как работы по античной археологии, так и по средневековой русской. Называть его основателем археологии в России, как его охарактеризовал А.С. Уваров, пожалуй, не совсем корректно, потому что археология как отдельная наука в России при нем еще не возникла. И все же он более других содействовал введению в России принципов И.И. Винкельмана, а И.И. Винкельмана же зовут «отцом археологии», хотя и при нем классическая археология еще не была отделена от истории искусства. Так что А.С. Уваров не так уж далек от истины.

В «Программе систематического разделения курса истории, археологии и этнографии для питомцев императорской Академии художеств» он ставил перед преподавателем (и перед собой) задачу «памятниками проверять предания, сравнивать древнее искусство и обряды с настоящим временем и делать из того философические заключения» [47]. Звучит для того времени очень прогрессивно.

С А.Н. Оленина начинается длинный ряд русских археологов-вельмож: А.С. Уваров, А.С. Строганов, Л.Н. Перовский, А.А. Бобринский... А при советской власти более скромное, но тоже вельможное продолжение: Б.А. Рыбаков, М.А. Артамонов, Б.Б. Пиотровский...

1. Голубева О.Д. Хранители мудрости. – М., 1988. – С. 74.

2. Агафонова Г.А. А.Н. Оленин и развитие историографической науки в первой трети XIX в. // Феодальная Россия. Новые исследования. – СПб., 1993. – С. 60.

3. Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. – Л., 1983.

4. Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 4. – М., 1892. – С. 144.

5. Жихарев С.П. Записки современника. – М.; Л., 1955. – С. 407.

6. Каменская М. Ф. Воспоминания // Исторический вестник. – 1894. – Т. 55. № 5. – С. 336–337.

7. Голубева О.Д. Хранители мудрости. – М., 1988. – С. 65.

8. Корф М.А. Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская Старина. – 1899. – № 100 (11). – С. 269–272.

9. Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. 2. – М., 1892. – С. 355.

10. Голубева О.Д. А. Н. Оленин. – СПб., 1997. – С. 118, 154–155.

11. Там же. – С. 126.
12. Голубева О.Д. Хранители мудрости. – М., 1988. – С. 86.
13. Лебедев Г.С. История отечественной археологии 1700 – 1917 гг. – Л., 1992. – С. 68–80.
14. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961. – С. 49–50; Формозов А.А. Страницы истории отечественной археологии. – М., 1986. – С. 44–45.
15. Формозов А.А. О периодизации истории отечественной археологии // Российская Археология. – 1994. – № 4. – С. 219–225.
16. Стояновский Н.И. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. – СПб., 1881; Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. – Л., 1983; Stuart M. Aristocrat-librarian in service to the Tsar: Aleksei Nikolaevich Olenin and the Imperial Public Library. Boulder, East European monographs, no. CCXI – New York: Columbia University Press. – 1986. – P. 8–10; Голубева О.Д. Хранители мудрости. – М., 1988. Гл. I. Алексей Николаевич Оленин. – С. 5–90, 235–247; Созинова С.Ф. Общественная и научная деятельность Алексея Николаевича Оленина // Государство, политика и идеология в античном мире: Межвузовский сборник. – СПб., 1990. – С. 171 – 197; Тункина И.В. А.Н. Оленин и древности Юга России // Проблемы истории и историографии археологической науки. – 1995. – Вып. 1. – С. 18–27.
17. Мартынов И.Ф. О библиотеке екатеринского паж. Каталог книг Алексея Оленина, 1775 // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. – М., 1977. – С. 155–159.
18. Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. – Л., 1983. – С. 80–81.
19. Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды. Рассказ академика Ф. Г. Солнцева // Русская старина. – 1876. – Т. XV. – С. 25.
20. Цит. по: Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. – Л., 1983. – С. 121.
21. Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. – Л., 1983. – С. 56–57.
22. Там же. – С. 148.
23. Голубева О.Д. А.Н. Оленин. – СПб., 1997. – С. 124.
24. Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды. Рассказ академика Ф.Г. Солнцева // Русская старина. – 1876. – Т. XV. – С. 54, прим.
25. Голубева О. Д. Хранители мудрости. – М., 1988. – С. 60.

26. Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. – Л., 1983. – С. 106.

27. Прийма Ф.Я. Пушкин и кружок Оленина // Пушкин. Исследования и материалы. – М.; Л., 1958. – Т. II. – С. 229–246; Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы, – М.; Л., 1958. – Т. II. – С. 247–292. Сам дневник – в ЦГАЛИ, ф. 1124, оп. 2, ед. хр. 10.

28. Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз. Дом А.Н. Оленина. – Л., 1983. – С. 207.

29. Козмин Н.К. Пушкин и Оленина (по новым данным) // Сборник Пушкинского дома на 1923 год. – Петроград, 1922. – С. 31–34.

30. Прийма Ф.Я. Пушкин и кружок Оленина // Пушкин. Исследования и материалы. – М.; Л., 1958. – Т. II. – С. 229–246; Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы, – М.; Л., 1958. – Т. II. – С. 247–292. Сам дневник – в ЦГАЛИ, ф. 1124, оп. 2, ед. хр. 10.

31. Тункина И.В. А.Н. Оленин и древности Юга России // Проблемы истории и историографии археологической науки. – 1995. – Вып. 1. – С. 18–19.

32. Stuart M. Aristocrat-librarian in service to the Tsar: Aleksei Nikolaevich Olenin and the Imperial Public Library. Boulder, East European monographs, no. CCXI – New York: Columbia University Press. – 1986. – P. 8–10.

33. Тункина И.В. А.Н. Оленин и древности Юга России // Проблемы истории и историографии археологической науки. – 1995. – Вып. 1. – С. 22.

34. Там же. – С. 21.

35. Там же. – С. 23.

36. Там же. – С. 24.

37. Там же. – С. 25.

38. Там же. – С. 23–25.

39. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961. – С. 49 – 50; Формозов А.А. Страницы истории отечественной археологии. – М., 1986. – С. 44.

40. Тункина И.В. А.Н. Оленин и древности Юга России // Проблемы истории и историографии археологической науки. – 1995. – Вып. 1. – С. 19.

41. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961. – С. 52–53.

42. Лебедев Г. С. История отечественной археологии 1700 – 1917 гг. – Л., 1992. – С. 70.

43. Солнцев Ф.Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды. Рассказ академика Ф. Г. Солнцева // Русская старина. – 1876. – Т. XV. – С. 88.

44. *Оленин А.Н.* Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутороканском, найденном на острове Тамане в 1792 году. – СПб., 1806. – С. 46.

45. *Солнцев Ф.Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды. Рассказ академика Ф. Г. Солнцева // Русская старина. – 1876. – Т. XV. – С. 51.

46. *Стояновский Н.И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. – СПб., 1881. – С. 5–6.

47. *Тункина И.В. А.Н.* Оленин и древности Юга России // Проблемы истории и историографии археологической науки. – 1995. – Вып. 1. – С. 19.

